

Сколько сомучеников было у Перпетуи и Фелицитаты?

Н. В. Брагинская

Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия); 1satissuperque@gmail.com

Аннотация. Один из героев «Passio Perpetuae et Felicitatis» носит имя *Revocatus*. Это святой, почитаемый во всех христианских церквях. В ранневизантийских Актах V в. он участвует в событиях, его допрашивают, он объявляется братом Фелицитаты. В оригинальном «Passio» 203 г. Ревокат практически никак себя не проявляет, не описана внятно его мученическая кончина — важнейшая часть всякого *passio*. Обращает на себя внимание то, что такого римского преномена, номена или когномена не засвидетельствовано до данного текста. В статье на основе пересмотра текстологической традиции трудного места 19, 3 автор приходит к выводу, что мученик Ревокат не существовал как отдельный человек.

Revocatus обозначает того, кого позвали, вызвали повторно. Это слово не раз встречается в том же самом «Passio» как причастие, когда речь идет о перерыве (или передышке) в представлении и новом акте зрелища. Представление — будь то *venatio*, гладиаторские игры или звероборство — следовало определенному сценарию, в котором практиковались и повторные вызовы на арену.

Кроме того, эпиграфические данные показывают, что *revocatus* назывался и возникший, одержавший победу в результате повторного забега (такая победа ценится ниже первого места, но выше второго); наконец, *revocatus* — звание или титул ветерана, которого по окончании службы за его заслуги снова призвали на почетную службу при императоре.

Один из мучеников по имени Сатурнин ‘ради стяжания венца вящей славы’ желал стать жертвой не одного, а нескольких зверей, которых выпускали в определенном порядке. Он не пострадал от вепря, медведь истерзал его, но он остался жив. И только в третьем акте звероборства он был снова вызван на арену (*revocatus*) и испытал нападение леопарда. Прозвище Ревокат он получил не только из-за обстоятельств своей кончины, но и в соответствии с тем, что так был исполнен данный им «обет мученичества».

Ревокат как прозвище, видимо, вызывал ассоциации с языческой славой: победителя в спортивных состязаниях и героя сражений на поле брани. Именно военно-спортивные метафоры парадоксально использовались христианами для описания подвига беззащитного мученика, на которого Господь возлагает венок, словно на победителя в состязаниях или воина, одолевшего врага.

Почему же восемнадцать веков Ревокат считался отдельным от Сатурнина человеком? Хотя текстология в 19, 3 озадачивала многих, решающую роль играло начало повествования, где Ревокат вводится как один из арестованных катехуменов, который был рабом того же хозяина, что и Фелицитата.

Мы не знаем, когда и кем сочинения разных авторов («Записки» Перпетуи, «Видение» Сатура, богословские «Пролог» и «Эпилог», «Рассказ» очевидца, продолжившего повествование Перпетуи до событий перед казнью и на арене) были собраны в единый комплекс и снабжены краткими связками. Поскольку ни в «Прологе», ни в «Записках» Перпетуи, ни в «Видении» Сатура не перечислены *dramatis personae* (современники и так знали все об этих событиях), составитель почел за лучшее ввести их перед «Записками». В этой справке для читателей, живших возможно много позже и не в Карфагене, он ввел Ревоката как отдельное лицо в самое начало повествования и задал тем самым дальнейшее восприятие, так что не возникло никаких сомнений в существовании не Сатурнина Ревоката, но Сатурнина и Ревоката.

Ключевые слова: «Страсти Перпетуи и Фелицитаты», Ревокат, мартирология.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44147 («Страсти свв. Перпетуи, Фелицитаты и их сомучеников: перевод латинской и греческой версий произведения, сопровождаемый подробным научным комментарием, экскурсами в богословскую, историческую, литературоведческую проблематику текстов»).

How many co-martyrs did Perpetua and Felicitas have?

Nina V. Braginskaya

National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia);
1satissuperque@gmail.com

Abstract. One of the characters of “Passio Perpetuae et Felicitatis” bears the name *Revocatus*. He is a Saint martyr worshipped in all Christian Churches. In the early

Byzantine Acts of the fifth century, where he is declared to be the brother of Felicitas, he takes part in the events and is subjected to an interrogation. In the original “Passio” dating back to 203 AD, *Revocatus* does not manifest himself in any way, and his martyrdom — the most important part of any *passio* — is not clearly described. It is worth noting that the name *Revocatus* is unattested prior to the “Passio” either as *praenomen*, *nomen* or *cognomen*. Based on the revision of the manuscript tradition of the difficult passage 19, 3, the article suggests that the martyr *Revocatus* never actually existed.

Revocatus means ‘he who has been recalled’. This word is found several times in this same “Passio” as a participle to designate the martyrs who, after a break in the performance, were called again to the arena for the next act of spectacle. The performances followed a certain scenario, and repeated calls were also practiced at the gladiatorial games.

Besides, epigraphic data show that a charioteer who won in a repeated race (such a victory is valued below the first place, but above the second) was also called *revocatus*; finally, *revocatus* designated the title or rank of a veteran who, after completing his service, was called once more to honorable service under the emperor for his merits.

One of the martyrs named *Saturninus* ‘for the sake of acquiring the crown of greater glory’ wanted to become a victim of not one, but several animals, which were released one after the other. He was not hurt by the boar, the bear tortured him, but he stayed alive. He was summoned once more to the arena (*revocatus*), and it was only in this third act of the execution that he experienced a leopard attack. He received the moniker *Revocatus* not only because of the circumstances of his death, but also in accordance with the fact that this was how his ‘vow of martyrdom’ was fulfilled.

Revocatus as a nickname (*cognomen*) seems to have been associated with pagan glory: winner in sports and hero on a battle-field. Paradoxically, these military and sporting metaphors were used by Christians to describe the feat of a defenseless martyr, who was crowned by the Lord, receiving a wreath as if he had been a winner in a competition or a warrior who had defeated an enemy.

Why then was *Revocatus* considered a separate person from *Saturninus* for eighteen centuries? Although the textual problems in 19, 3 had puzzled many, the main reason for preserving him as an independent figure was *Revocatus*’ appearance at the beginning of the narrative, where he is introduced as one of the arrested catechumens and as a slave who belonged to the same master as *Felicitas*.

We do not know when and by whom the writings of various authors (“Perpetua’s Diary”, “Saturus’ Vision”, the theological “Prologue” and “Epilogue”, the “Story” of an eyewitness who expanded *Perpetua*’s narrative to include the events before the execution and in the arena) were collected into a complex and bound together by brief transitions. Since neither the *Prologue*, nor *Perpetua*’s *Diary*, nor *Saturus*’ *Vision* list *dramatis personae* (contemporaries already knew everything about these events), the compiler thought it best to introduce them before the text of the *Diary*. In this

reference, probably compiled for readers who lived much later and not in Carthage, *Revocatus* was introduced as a separate person, and his mention at the very beginning of the narrative set the perception of what followed and eliminated any doubt about the existence of not *Saturninus Revocatus*, but *Saturninus and Revocatus*.

Keywords: *Passio Perpetuae et Felicitatis*, Revocatus, martyrology.

Эта работа возникла на семинаре, посвященном изучению знаменитого «*Passio Perpetuae et Felicitatis*». Как всегда в такой совместной работе, трудно выделить, кто сказал «мяу», особенно, кто сделал это первым. Тем не менее позволю себе принять на себя ответственность за пересмотр традиционного состава героев этого широко известного текста, хотя моими соавторами в той или иной мере являются постоянные участники семинара, без вопросов, возражений, сомнений и даже протестов которых не было бы этого исследования¹. В частности, появлением *Postscriptum* я обязана прежде всего своему бывшему студенту В. В. Степанову.

В этом «*Passio*» число брошенных в тюрьму и приговоренных в 203 г. в Карфагене *ad bestias* не названо. Латинские рукописи в большинстве своем начинаются со слов *Passio Sanctarum Perpetuae et Felicitatis die Nonarum Martiarum civitate Tyburtina minore*, словно речь идет только о двух этих женщинах. Иногда имя Фелицитаты стоит на первом месте, чаще на втором, название городка в предместьях Карфагена пишется по-разному, что-то дается в сокращении, и только в рукописи Einsiedeln 250² текст начинается упоминанием святых Ревоката, Сатурнина, Перпетуи и Фелицитаты (*Passio*

---

¹ Семинар, в котором постоянно участвуют А. И. Шмаина-Великанова, П. Н. Лебедев, О. И. Ярошевская, А. Н. Грешных, Т. А. Михайловна, М. С. Касьян, В. В. Степанов, С. Н. Давидоглы, С. В. Федорова, занимается подготовкой комментированных переводов латинской и греческой версии «*Passio*», с параллельными оригиналами. В статье цитируется наш общий, не изданный перевод, который не принял еще окончательного вида.

² Полное описание рукописей см. в [Heffernan 2012: 369–443]. Список упоминаемых в статье рукописей и расшифровку традиционных латинских сокращений см. в конце статьи.

Sanctorum Revocati Saturnini Perpetuae et Felicitatis in civitate tuburbitana minore [Heffernan 2012: 104]).

В единственной рукописи греческой версии имени несколько иные и поданы иначе. Отношения латинской и греческой версий в целом — предмет длительных дискуссий, в которые мы вдаваться здесь не будем. Ученый, ее опубликовавший, считал греческий текст оригиналом [Harris, Gifford 1890], но практически сразу же были высказаны аргументы против [Robinson 1891; Franchi de' Cavalieri 1896]. Скажем только, что в целом наличный греческий текст не является оригиналом имеющегося латинского³. В греческой версии есть свой заголовок⁴ и своего рода аннотация⁵. В заголовке, кроме Перпетуи и Фелицитаты, упоминаются безымянные ‘скончавшиеся вместе с ней в Африке’. Далее следует дата, отличная от даты в латинской версии, и дату мы тоже обсуждать не будем, как и ошибочное отнесение гонений ко временам Валерия и Галлиена.

³ Большинство исследователей считает латинский текст более древним [см. Amat 1996: 51–66], но ситуация может быть и иной, чем однократный перевод с одной из известных версий на язык другой. Некоторые предполагали, что греческим исконно был язык лишь собственных «Записок» Перпетуи [Robert 1989: 816–819; Lane Fox 1987: 469; Bowersock 1995: 34–35; против Bremmer 2002: 81–82]. Не обсуждая аргументы сторонников этой версии, скажем, что, по нашему мнению, в латинском тексте «Записок» Перпетуи отчетливо проявляется личный стиль, последовательность в использовании эмоционально окрашенных слов. В имеющемся греческом варианте идиостиль нивелируется, последовательный выбор слов не передается. Это говорит о том, что для имеющейся греческой версии оригинал — латинский. Для этой эпохи сохранение идиостиля при переводе не характерно. Если предположить греческий оригинал «Записок», то придется сделать еще два предположения: латинский перевод блестяще передал особенности стиля Перпетуи; этот стиль был утрачен, когда с латинского перевели имеющуюся в нашем распоряжении греческую версию.

⁴ ΜΑΡΤΥΡΙΟΝ ΤΗΣ ΑΓΙΑΣ ΠΕΡΠΕΤΟΥΑΣ ΚΑΙ ΤΩΝ ΣΥΝ ΑΥΤΗΙ ΤΕΛΕΙΩΘΕΝΤΩΝ ΕΝ ΑΦΡΙΚΗΙ· ΤΗΙ ΠΡΟ ΤΕΣΣΑΡΩΝ ΝΟΝΩΝ ΦΕΥΡΟΥΑΡΙΩΝ. ΕΥΛΟΓΗΣΟΝ.

⁵ Ἐπὶ Οὐαλεριανοῦ καὶ Γαλιηνοῦ διωγμὸς ἐγένετο, ἐν ᾧ ἑμαρτύρησαν οἱ ἄγιοι Σάτυρος, Σατορνίλος, Ῥεουκάτος, Περπετούα, Φηλικιτάτη, νόνας Φευρουαρίαις.

В «аннотации» перечислено пятеро:

1. Σάτυρος скорее всего подлинное очень распространенное греческое имя Сатир⁶. Латинская рукописная традиция колеблется в передаче имени, и наставник оглашаемых именуется то Сатуром, то Сатиром. Как Сатур он предстает в «Записках» Перпетуи (4, 5), во вводных словах к «Видению» Сатура (11, 1). В этих двух местах написание *Saturus* является в рукописях общим (за исключением рукописи из Сан Галлена, в которой Сатур вообще постоянно заменяется Сатурнином: St. Gallen 577)⁷. В речи же Рассказчика (14, 1; 17, 1; 18, 4 и 7; 19, 4–6; 21, 1 и 8) рукописи говорят о Сатире самым написанием: *Satyru*s и *Satirus*⁸.

2. Σατορνῖλος — это, судя по всему, искаженный Сатурнин. Сатурнины хорошо известны в римской истории: это когномен в старинном плебейском роде Аппулиев. В греческих надписях и текстах Σατορνῖλος встречается наряду с Σατορνῖνος как варианты одного

⁶ Латинского имени *Saturus* не существовало, противник Цицерона в процессе в защиту актера Росция звался Сатурием (*P. Saurius*). Он известен только из этой речи, а имя его, вероятно, происходит от прилагательного *saturus* ‘сытый, густой, насыщенный’. *Saturus* встречается несколько раз как латинизированная форма греческого σάτυρος. У Апулея, еще одного уроженца Карфагена, *saturus* — это сатир в недвусмысленном мифологическом контексте: на свадьбе Купидона и Психеи Аполлон играет на кифаре и поет, музы поют хором, а *Saturus* дует в флейту (*Apul. Met.* 6, 24, 13). Сервий обсуждает названия различных флейт, среди которых есть и ‘Дионисовы’, потому что ими в основном пользуются сатиры (*Serv. in Aen.* 11, 738: *et est Dionysia, cum maxime ea satiri utantur*).

⁷ В «Видении» Сатура упоминается один из сожженных заживо мучеников (11, 9); его имя передается в разных рукописях по-разному: Сатур, Сатир (так и в греческом переводе), Сатурнин; он не действует в «Passio», а переписчики делали его соименником то одного героя, то другого.

⁸ *Satirus*: Ambrosiana C. 210, или *Satyru*s: Bib. Nat. 17626, BL Cott on Nero E. I, Salisbury Cathedral 221Olim Fell.4. Правда, в Беотии — в Фивах, Танagre и Феспиях в III–II вв. до н. э., т. е. за 400–500 лет до нашего Сатура в пяти в общей сложности надписях встречаются три имени: Σάτουρος, Σατούρα, Σατουρίων [LPG 2000, 3b: s. v.]. Вероятнее всего, это графические варианты Σάτυρος, Σατύρα, Σατουρίων, которые также встречаются в этом и других регионах. Заметим, что «и» в имени *Saturninus* по-гречески передается как ο, а не υ и не ου: Σατορνῖλος.

имени, см. [LGPN 1987: s. v.]. В обсуждаемое время имена, вернее, части традиционных римских имен — личные, родовые и родовые прозвища — стали фигурировать как имена рабов, вольноотпущенников, клиентов (*clientes*), как имена получивших римское гражданство провинциалов не римского происхождения. Еще один Сатурнин, наряду с другими носителями римских имен, Квинтом и Йокундом, встречается в «Видении» Сатура: все они казненные мученики-христиане (11, 9).

3. Ῥεοῦκάτος — имя, которое и будет занимать нас в дальнейшем, представляет собою страдательное причастие от *revocare* и значит ‘отозванный’ или ‘тот, кого снова позвали или вызвали’.

4–5. Только в конце названы Περλετοῦα и Φηλικιτάτη, которые занимают первое место в латинской версии.

Примерно такой же порядок перечисления, удивляющий тем, что рабы поставлены перед матроной, обнаружен на мраморной плите, найденной в ранневизантийской базилике в предместье Карфагена⁹:

[HIC] SVNT MARTY[RES]
 SATVRVS SATV[R]N[INVS]
 REBOCATVS S[E]C[VNDVLVS]
 FELICIT(AS) PER[PE]T(VA) PAS(SI) N[ON(AS) MART(IAS)]
 [...M]AIVLV[S] =====]

⁹ Фрагменты мраморной надгробной плиты были найдены при раскопках в 1906–1907 гг. Обнаруживший надпись П. Делатр, первый ее издатель, связал ее с развалинами *Basilica Maiorum*, как местом погребения мучеников, о котором упоминает карфагенский пресвитер Виктор Витенсис, писавший о разорении африканской провинции вандалами ([Halm 1879 1, 3: 9]: *Basilicam Maiorum ubi corpora sanctarum martyrum Perpetuae atque Felicitatis sepulta sunt*). Надпись была создана в конце правления вандалов или после их ухода в начале VI в. См. [Delattre 1907: 193–195], современный обзор археологических данных о возможном месте погребения всех мучеников и о другой плите в окрестностях Карфагена, посвященной родными некоей Перпетуе (*Perpetue, filie dulcissimae*), вероятно, другой, см. [Tabbernee 1997: 105–117, no. 14; Tabbernee 2017: 299–305].

‘Здесь находятся мученики
Сатур Сатурнин
Ревокат¹⁰ Секундул
Фелицитас Перпетуя, пострадавшие в мартовские ноны
Майул <...>’¹¹

Мученики перечисляются в начале повествования и в латинском «Passio». Напомним, что «Passio» включает тексты нескольких авторов. Перпетуя — автор уникальных почти дневниковых записей о пребывании в тюрьме перед казнью и о посланных ей четырех видениях; Сатур — катехизатор и союзник мучеников, автор еще одного записанного в тюрьме «Видения». Но есть и анонимные авторы, и не один. Автор богословских и учительных «Пролога» и «Эпилога» отличается лексикой, стилем и задачей от Рассказчика, который повествует о событиях перед казнью и на арене. «Пролог» и «Эпилог» предназначены для чтения о подвиге этих мучеников в церкви. Рассказчик выполнял завет, завершающий «Записки» Перпетуи: рассказать о том, о чем она уже не расскажет. Кто-то должен был собрать все эти документы вместе. Чтобы не умножать сущности, исследователи наделяют ролью Редактора либо автора «Пролога» и «Эпилога», либо Рассказчика. Мы полагаем, что оформление комплекса документов могло принадлежать и иному лицу (лицам?), добавившему небольшие связующие тексты и скомпоновавшему целое. Ниже мы рассмотрим некоторые результаты неавторского вторжения в текст.

---

¹⁰ Очевидно, в это время «В», могла звучать как «V»; в греческой рукописи Мартирия — ου: Ρεουκάτος.

¹¹ Плита фрагментирована, слово или имя *MAIVLVS* к данной надписи не относится; вероятно, это мученик конца II в. (см. *Tert. ad Scap.* 3, 5). На полу карфагенского здания византийской эпохи в мозаичных медальонах прочтываются среди прочих имена Сатура и Сатурнина [CIL 8, 4: 25037], а на стене подземного баптистерия угадывается надпись *S[A]N[CT]IVS SATVTVS* см. [Duval 1982, 1: 6–10]. Эти надписи могут иметь отношение к героям нашего *Passio*.

Первый связующий текст располагается между «Прологом», который заканчивается словом *Amen*, и началом «Записок» Перпетуи, здесь сообщается (кем, мы не знаем), какие молодые катехумены были арестованы (2, 1–3). Сначала названы рабы — Ревокат и Фелицитата, его *conserva*¹², затем Сатурнин и Секундул¹³ и отдельно с указанием на высокий статус — Вибия Перпетуя. Мучеников снова пятеро, как в греческой «аннотации»: появляется Секундул, но нет Сатура. Отсутствие в одном списке Сатура, а в другом — Секундула объяснимо: катехизатора Сатура нет при описании ареста, так как Сатур не был схвачен вместе с молодыми катехуменами, но присоединился к ним в тюрьме по своей воле. Отсутствие Секундула / Секунда в заголовках можно объяснить тем, что в тюрьме он был почти сразу убит при неясных обстоятельствах и так избавлен от мучительной смерти на арене (14, 2). Таким образом, катехуменов было пятеро, позднее к ним присоединился Сатур, но на арену вышло пятеро, потому что один из арестованных не дожил до звероборства. Таково общее мнение.

Посмотрим, теперь, какие роли у всех шестерых, и каковы их отношения, о ком мы знаем много, о ком почти ничего.

Рассказчик сообщает, что Ревокат был вместе с Фелицитатой рабом у одного хозяина, но кто был их хозяином не сказано. О Фелицитате небезосновательно думают как о рабыне именно Перпетуи, иначе младенец, рожденный Фелицитатой в тюрьме, должен был бы принадлежать ее господину, а не передан некоей христианке, которая воспитала ее как свою дочь (15, 17). Но если Фелицитата — рабыня Перпетуи, госпожа могла отдать подобное распоряжение о своей собственности. Соответственно, и Ревокат был рабом Перпетуи, относившейся к местной карфагенской знати, имевшей римское гражданство и приписанной к римскому роду Вибиев (впрочем, иногда

¹² Хорошего перевода для этого слова нет. Обозначает оно ‘со-раба’, то есть раба того же господина, что и другой раб.

¹³ Незначительные разночтения в именах (в греческой версии Сатурнин стал Саторнилом, а Секундул — Секундом) не препятствуют отождествлению персон.

Vibia выступает как женский *praenomen*¹⁴). Предположить хозяина Ревоката и Фелицитаты в Сатуре или Сатурнине никому до сих пор в голову не приходило, и нам тоже не приходит. Сатур, катехизатор, с его греческим именем, мог быть вольноотпущенником. Сатурнин, пылко жаждавший пострадать, — скорее всего, юный раб Перпетуи, как и Секундул, но оба могли быть и вольноотпущенниками, так как прямо не сказано, что они рабы.

Имя Секундул, как выясняется, уникально. Широко распространено имя Секунд, ‘Второй’, которое использовалось как когномен для соименников. Секундулус — уменьшительная форма. Греческая версия «не признает» имени «Секундул» из-за его необычности, и, так сказать, «исправляет» на обычного Секунда. Мы знаем, что все схваченные были молоды. Можно вообразить, что Секундул был самым юным, и его именем, попавшим со временем в святцы, стало ласковое домашнее прозвище для подростка. Это предположение входит в резонанс с обоснованием дарованной ему Богом милости, к чему мы вернемся в своем месте.

В «Записках» Перпетуи и «Видении» Сатура оба автора называют только друг друга и иных лиц, живых или покойных, но не находившихся с ними в тюрьме. Ни один из их союзников не назван ими по имени. В «Видении» Сатура в посмертии и в Раю Сатур видит и называет по имени только Перпетую. Все они были братьями и сестрами во Христе, но Вибия Перпетуя была госпожой, Сатур — катехизатором, а остальные, скорее всего, ее слугами, рабами. Перпетуя видит их как свою общину, говорит ‘мы’, но никого, кроме своего наставника Сатура, не выделяет. Обращение *domina soror* ‘госпожа сестра’ в устах одного из союзников говорит об этой непривычной двойственности отношений (4, 1). Не настаивая, мы все-таки осторожно предположим, что в отсутствии имен Сатурнина, Секундула и Фелицитаты в сочинениях Перпетуи и Сатура сказались пропасть, разделявшая рабов и свободных, и это несмотря на общую для них участь. Мы полагаем поэтому, что группу молодых катехуменов составляли рабы Перпетуи и их госпожа.

---

¹⁴ [Kajava 1994: 85].

Но церковная традиция интересовалась мучеником, независимо от его статуса. От Рассказчика мы многое узнаем о Перпетуе, сверх того, что она рассказала сама, многое о Фелицитате, о ее знаменитом ответе стражнику¹⁵, о поведении ее на арене и об отношении к ней Перпетуи. Рассказчик описал и мученичество Сатура, его последние слова и то, как он взял у воина Пудента его кольцо, обмакнул его в собственную кровь и ‘отдал ему в наследство, оставив ему этот знак памяти о пролитой крови’ (21, 5).

Мы знаем не только обстоятельства мученичества и кончины Перпетуи, Фелицитаты, Сатура, Сатурнина и Секундула, мы знаем, что эти смерти осмыслены Рассказчиком как особая и каждый раз иная милость Божия.

Для Секундула милость состояла в том, чтобы не попасть на растерзание к зверям.

(11, 9) *Secundulum vero Deus maturiore exitu de saeculo adhuc in carcere evocavit, non sine gratia, ut bestias lucraretur.*¹⁶

‘А Секундула Бог призвал поскорее покинуть сей мир, еще в тюрьме, по особой милости не отдав на растерзание зверям’.

¹⁵ (15, 5–6) *Statim post orationem dolores eam invaserunt. Et cum pro naturali difficultate octavi mensis in partu laborans doleret, ait illi quidam ex ministris cataractariorum: “Quae sic modo doles, quid facies obiecta bestiis, quas contempsisti cum sacrificare noluisti?” Et illa respondit: “Modo ego patior quod patior; illic autem alius erit in me qui patietur pro me, quia et ego pro illo passura sum.”*

‘После молитвы у нее сразу начались схватки. И когда она мучилась в родах, всегда тяжелых на восьмом месяце, кто-то из стражей темницы говорит ей: «Если ты сейчас так страдаешь, каково тебе будет, когда тебя бросят зверям, а ты их презрела, отказываясь принести жертвы?»». И она ответила: «Сейчас это я терплю, что терплю; а там другой будет во мне, кто будет страдать за меня, потому что и я за него пострадать готова»’.

¹⁶ Глагол *lucror* имеет значения ‘извлекать прибыль, получать в дар, выигрывать, экономить’. Выражение *ut bestias lucraretur* неожиданное, поэтому греческий переводчик не усомнился добавить отрицание и глагол ‘звероборствовать’: *ἡξιώθη σὺν τῇ χάριτι πάντως κερδάνας τὸ μὴ θηριομαχῆσαι* ‘по милости даровано ему было не бороться со зверьми’. Возможно, *ut bestias lucraretur* понимается

Если верно, что это был подросток, или даже мальчик, то Рас-сказчик увидел в избавлении от зверей снисхождение к его возрасту. Ведь другой молодой человек, Сатурнин, напротив, горел желанием испытать самые страшные муки.

Для Фелицитаты милость в том, что роды наступили до дня казни.

(15, 1–2) Circa Felicitatem vero, et illi gratia Domini eiusmodi contigit. Cum octo iam mensium ventrem haberet (nam pregnans fuerat adprehensa), instante spectaculi die in magno erat luctu, ne propter ventrem differretur (quia non licet pregnantes poenae repraesentari) et ne inter alios postea sceleratos sanctum et innocentem sanguinem funderet.

‘Что до Фелицитаты, то вот какая милость Господа выпала и ей. Так как она была уже на восьмом месяце (ведь схватили ее беременной), то терзалась при приближении дня зрелища: как бы из-за беременности [ее казнь] не отложили (потому что запрещено беременных подвергать казни) и как бы не пришлось ей потом пролить святую и невинную кровь среди прочих преступников’.

Сатур тоже получил на арене исполнение своего желания.

(19, 4–6) Sатурus autem nihil magis quam ursum abominabatur; sed uno morsu leopardi confici se iam praesumebat. Itaque cum apro subministraretur, venator potius qui illum apro subligaverat, subfossus ab eadem bestia post dies muneris obiit; Sатурus solummodo tractus est. Et cum ad ursum substrictus esset in ponte, ursus de cavea prodire noluit. Itaque secundo Sатурus inlaesus revocatur

‘А Сатур ничего так не страшился как медведя, но ожидал мгновенной гибели от зубов леопарда. И вот, когда его отдали вепрю, а точнее, венатор к вепрю его привязал, тот же самый зверь поддел клыком венатора, и тот спустя несколько дней умер; а Сатура вепрь только протасил. И когда он был привязан на мосту, медведь не захотел выйти из подвала, и таким образом Сатур второй раз возвращается невредим’.

иронически: ‘получить зверей в дар’, т. е. получить в дар избавление от них; или ‘сэкономить зверей’, т. е. лишиться встречи с ними.

(20, 1–2) Item Saturus in alia porta Pudentem militem exhortabatur dicens: “Ad summam”, inquit, “certe, sicut presumpsi et predixi, nullam usque adhuc bestiam sensi. Et nunc de toto corde credas; ecce prodeo illo, et ab uno morsu leopardi consummor”.

Et statim in fine spectaculi leopardo obiectus de uno morsu tanto perfusus est sanguine, ut populus revertenti illi secundi baptismatis testimonium reclamaverit: “Salvum lotum, salvum lotum”.¹⁷

Перпетуя, юная и несгибаемая, находится в столь особом состоянии, что не испытывает боли, не замечает, что дикая буйволица подняла ее на рога и бросила оземь, но под конец она сама направляет себе в горло меч гладиатора.

(21, 9–10) Perpetua autem, ut aliquid doloris gustaret, inter ossa conpuncta exululavit, et errantem dexteram tirunculi gladiatoris ipsa in iugulum suum transtulit.

Fortasse tanta femina aliter non potuisset occidi, quae ab immundo spiritu timebatur, nisi ipsa voluisset.

О Сатурнине также есть весьма примечательный рассказ. Этот молодой человек жаждал славы мученика, причем исполнение его желания предвосхищается так:

‘Сатур, стоя в других воротах, ободрял воина Пудента такими словами: «Всё точно так, как я предвидел и предсказал: ни один зверь меня до сих пор не тронул. И теперь всем сердцем верь: вот, сейчас я выйду туда и от одного укуса леопарда погибну».

И тотчас, в конце представления, брошенный леопарду, от одного его укуса он был так залит кровью, что когда предстал перед толпой, они засвидетельствовали его второе крещение криками: «С легким паром! С легким паром!»’

‘А Перпетуя, получив удар по кости (чтоб и ей испытать муку), возопила и сама нетвердую руку новичка-гладиатора направила себе в горло.

Быть может, столь великая женщина, которой страшился нечистый дух, не могла быть убита иначе, нежели так, как сама того пожелала’.

¹⁷ Леопард, вероятно, сразу разорвал сосуды на шее мученика, и тот омылся собственной кровью.

(19, 1–2) Sed qui dixerat: “Petite et accipietis,” petentibus dederat eum exitum quem quis desideraverat.

Nam si quando inter se de martyrii sui voto sermocinabantur, Saturninus quidem omnibus bestiis velle se obici profitebatur, ut scilicet gloriosiore gestaret coronam.

‘Но Тот, Кто сказал: «Просите — и получите», дал просящим тот конец, какого каждый желал.

Так, когда они, бывало, беседовали между собой о том, какой у кого обет мученичества, Сатурнин признался в своем желании быть брошенным всем зверям, должно быть, ради стяжания венца вящей славы’.

И вот как и это желание исполнилось, если мы следуем общепринятому ныне тексту и его понимаю:

(19, 3) Itaque in commissione spectaculi ipse et Revocatus — leopardum experti etiam super pulpitem ab urso vexati sunt.

‘И вот, в начале он сам и Ревокат, подвергшиеся нападению леопарда, были истерзаны на помосте еще и медведем’.

Таков или почти таков текст большинства рукописей¹⁸, за которыми следует и большинство издателей и переводчиков¹⁹. Тем самым, они принимают присоединение Ревоката к Сатурнину, и тот получает или разделяет ту участь, какую просил у Господа Сатурнин.

¹⁸ **ipse et**] St. Gallen 577, BL Cott on Nero E. I, BL Cott on Otho D. VIII, Bib. Nat. 17626, Salisbury Cathedral 221Olim Fell.4. **om.** Monte Cassino 204, Ambrosiana C. 210.

leopardum] BL Cott on Otho D. VIII, Bib. Nat. 17626 **leopardo** Monte Cassino 204 (-os исправлено в строке в Ambrosiana C. 210) **leopardus** BL Cott on Nero E. I **leopardos** St. Gallen 577.

experti] St. Gallen 577, BL Cott on Nero E. I, BL Cott on Otho D. VIII, Bib. Nat. 17626, Salisbury Cathedral 221Olim Fell.4. **expertus** Monte Cassino 204, Ambrosiana C. 210.

vexati sunt] St. Gallen 577, BL Cott on Nero E. I, BL Cott on Otho D. VIII, Bib. Nat. 17626, Salisbury Cathedral 221Olim Fell.4. **erat vexatus** Monte Cassino 204; Ambrosiana C. 210.

¹⁹ [Musurillo 1972 1: 126; Bastiansen 1987: 446; Amat 1996: 254; Formisano 2008 (2013): 122; Heffernan 2012: 337, Bremmer; Formisano 2012: 23 (перевод J. Farrell and C. Williams), 31 (перепечатка критического издания Van Beekes 1936)].

Но в двух важнейших рукописях из Монте Кассино и Амброзиана (Monte Cassino 204; Ambrosiana C. 210) слова *ipse et* ('он сам и...') отсутствуют, сказуемое в единственном, а не множественном числе, и время сказуемого не перфект, а плюсквамперфект. Тогда получается иная картина:

(19, 3) Itaque in commissione spec- taculi Revocatus — leopardum ex- pertus etiam super pulpitem ab urso erat vexatus.	‘И вот, в начале представления на Ре- воката бросился леопард, а прежде он был истерзан на помосте еще и мед- ведем’.
---	--

Получается, что желание Сатурнина исполняется для Ревоката, а что случилось с Сатурнином, неизвестно. Это послужило основанием отвергнуть чтение пусть и наиболее авторитетных, а главное, независимых рукописей.

Однако старые издатели в той или иной мере учитывали эти чтения. Так, текст в издании Франки де Кавальери [Franchi de' Cavalieri 1896: 142] следует большинству рукописей, но в аппарате вместо *ipse et Revocatus* предлагается *ipse cum Revocato... expertus... erat vexatus* ('на него самого с Ревокатом напал леопард... прежде он был растерзан медведем'). Сходным образом понял это место и создатель греческой версии.

Ἐν ἀρχῇ γούν τῆς θεωρίας αὐτὸς μετὰ Ῥεουκάτου πάρδαλιν ὑπέμει- νεν ἀλλὰ καὶ ὕστερον ἐπὶ τῆς γεφύ- ρας ὑπὸ ἄρκου διεσπαράχθη.	‘В самом деле, в начале представления он сам с Ревокатом выдержал нападе- ние леопарда, а потом на помосте был растерзан еще и медведем’.
---	--

В этом варианте леопард нападает на обоих, а медведь нападает, похоже, на одного Сатурнина. И сказано, каков порядок действий: медведь нападает ‘позже’, ‘потом’, чему в названных двух латинских рукописях противоречит плюсквамперфект.

Создатель греческой версии либо имел перед собою рукопись с единственным числом сказуемого и принял, как и Франки де Кавальери, решение объединить Сатурнина с Ревокатом, либо перед ним был вариант, отличный от рукописи Monte Cassino или Ambrosiana, и грек определенно считает нападение медведя — последним.

Автор греческой версии пытался построить непротиворечивую картину, но не преуспел. Ревокат и Сатурнин вместе выдержали нападение леопарда, а медведь *потом* растерзал одного Сатурнина? И что случилось с Ревокатом: убил ли его леопард? Если нет, то почему его нет на помосте вместе с Сатурнином?

Грек, возможно, не имел представления о том, как устраивают травлю людей зверьми, это было римское развлечение. Он не сопоставил происходившее с Сатурнином с тем, что происходило с Сатуром, на которого выпускали вепря, потом медведя и, наконец, леопарда, создавая все большее напряжение. И не думал о том, что зверей нельзя выпускать беспорядочно: ведь выпустив одновременно леопардов и вепрей, можно оставить гладиаторов без работы, а преступников без казни.

Грек, как и современные переводчики, не понимал, что *commisio* означает не просто 'начало', но завязывание какого-то взаимодействия. *Commissio* означает также 'состяжание, игры, проведение игр', а переносно 'составление текста'. Словом, *commisio* в данном случае говорит нам не о начале, а о ходе представления, в сценарии которого был определенный порядок выпуска на арену зверей по восходящей степени свирепости и опасности. Видимо, греческая версия все же представляет собою перевод, хотя и не непременно нашего текста. Как часто делают переводчики, грек переводил локально, наводя порядок в пределах предложения, но не соотнося его с общей картиной описываемых событий. Если бы он (и современные ученые) обратили внимание на то, что против Сатура был выпущен сперва вепрь, потом медведь, а леопард был последним, они бы не отмахнулись от плюсквамперфекта и не «выпустили» бы медведя после леопарда.

Возвратимся к Сатурнину. Его желание достаться разным зверям предполагает, что нападение первого или даже двух зверей не приведет к гибели, что терзание продолжится, что мученик будет вызван на арену снова для нового нападения. Это уже говорит нам и о том, что зверей выпускают поочередно, а мучеников вызывают на арену или отзывают в сторону, а потом снова вызывают. В «*Pas-sio*» несколько раз рисуется эта ситуация, причем с помощью одного и того же слова.

Итак, сначала бы выпущен дикий вепрь, но он не причинил Сатуру серьезного вреда, вместо этого убил одного из распорядителей зрелища. Потом Сатур был привязан на помосте, но теперь уже медведь не захотел выходить из своей пещеры:

(19, 6) *Itaque secundo Saturus inlaesus revocatur.* ‘Таким образом Сатура второй раз *отзывают* невредимого’.

Иными словами, Сатур уходит невредимым с того места, где его должен был растерзать медведь, *вторично*, так как на него уже был выпущен вепрь, также не причинивший ему вреда.

Значение этого ‘отзывания’ понятно и из 20, 2–3. Это разные «ранды» представления: его участники могут быть по тем или иным причинам отозваны с арены и вызваны на арену снова. Так, с Перпетуи и Фелицитаты снимают одежду, их выводят нагими с наброшенными на них сетями, а потом уводят и переодевают.

(20, 2–3) *Itaque dispoliatae et reticulis indutae producebantur. Horruit populus alteram respiciens puellam delicatam, alteram a partu recentem stillantibus mammis. Ita revocatae et discinctis indutae. Prior Perpetua iactata est, et concidit in lumbos.* ‘И вот, с них сняли одежды, набросили на них сети и вывели. Народ ужаснулся, видя, что одна дева — прекрасна, а другая только что родила, ибо из ее груди сочится молоко. Так что их снова *отозвали* и одели в одежду без пояса’.

Греческий текст для передачи такого распорядка римского зрелища избирает выражение ἀναληφθεῖσαι πάλιν ‘призванные снова’ (20, 3; 7). Термина для смены раундов гладиаторского боя у него естественно нет, и он добавляет πάλιν, чтобы передать повторность действия. Такая перемена может быть и передышкой для гладиаторов, перед следующим актом сражения, а для мучеников — перерывом перед выпусканием другого вида животных.

Еще одна такая «передышка» наступает для Перпетуи и Фелицитаты после атаки дикой буйволицы, которая поднимает их на рога, и они, помогая одна другой, приводят себя в порядок и встают рядом.

(20, 7) Et populi duritia devicta, revocatae sunt in portam Sanavivariam. ‘И была сломлена жестокость толпы: их отозвали к Вратам выживших’.

Вероятно, при гладиаторских играх в Карфагене через *Porta Sanavivaria* выходили те, кому за геройство публика даровала жизнь. В данном же случае это была только передышка, зрелище продолжилось. Греческий текст и здесь снова использует тот же глагол ἀνελήθησαν. Против женщин выпустили только дикуую буйволицу, вероятно, параллельно другому дикому и опасному, но не хищному вепрю, который напал на Сатура (и, должно быть, на Сатурнина).

Может быть, Сатурнин тоже был снова вызван на арену, он тоже был, как и Перпетуя и Фелицитата, как Сатур, *revocatus* на следующий акт зрелища?

В трактовке спорного места решительный шаг в верном направлении 120 лет тому назад сделал кембриджский ученый Дж. А. Робинсон [Robinson 1891: 88–90], но остановился на полпути. Следуя Monte Cassino 204 и Ambrosiana C. 210, Робинсон исключил *ipse et*, сохранил единственное число глагольных форм и, главное, отказался считать *revocatus* именем собственным: у него это причастие и характеризует оно Сатурнина!

Тогда наш текст получает такое звучание.

(19, 3). Itaque in commissione spectaculi revocatus — leopardum expertus etiam super pulpitem ab urso erat vexatus. ‘И вот, на него, вызванного по порядку представления снова, бросился леопард, а прежде он был истерзан на помосте еще и медведем’.

Спустя 65 лет Дж. Ладзати [Lazzati 1956: 35] двинулся в том же направлении, но поступил, как нам кажется, слишком радикально. Исключив не только *ipse et*, но и *revocatus*, он, конечно, оставил Сатурнина наедине с избранной им участью. Но Ладзати предположил, что поскольку выше (18, 7) Ревокат упоминался вместе с Сатуром и Сатурнином, переписчик приписал на полях имя *Revocatus* и поставил вопросительный знак, беспокоясь о том, куда подевался этот мученик. А при следующем переписывании Ревокат с полей

перебрался в текст. Относить *revocatus* к Сатурнину, несмотря на знакомство с догадкой Робинсона, Ладзати не стал.

За время, прошедшее с 203 г., ни Робертсон, ни Ладзати и никто другой не посмели усомниться в существовании Ревоката как отдельного лица и почитаемого святого.

Между тем обстоятельства гибели мучеников понимаются Рассказчиком как милость Господа, отвечающая высказанному желанию (Сатур, Сатурнин, Фелицитата) или личным качествам (непоколебимая Перпетуя и слишком юный для звероборства Секундул), и только Ревокат не высказывает ни желаний, ни опасений, ничего не предпринимает, ничем не характеризуется, в тексте нет никакого суждения о проявленной к нему Божьей милости или о том, как его конец отвечал его собственному обету или характеру, но он почему-то вторгается в исполнение желания Сатурнина.

В греческой версии, где найден изящный выход для объединения двух людей со сказуемым в единственном числе, остается неясным, чем закончилось звероборство для Ревоката, ведь роковая по греческой версии встреча с медведем касается одного Сатурнина. Между тем кончина мученика стоит в центре внимания рассказчика, и про каждого надо сказать, как именно он расстался с жизнью.

Жаклин Ама, придерживаясь чтения большинства рукописей, высказывает вместе с тем мысль, что встраивание Ревоката в историю Сатурнина связано с необходимостью описать кончину *всех* упомянутых мучеников [Amat 1996: 254]. Это верно. Но ведь эта необходимость могла повлиять на присоединение Ревоката к Сатурнину, только если о кончине самого Ревоката ничего известно не было. А почему о ней ничего неизвестно, если все эти катехумены были в тюрьме вместе и вместе претерпели мученичество? Рассказчик присутствовал при звероборстве, его повествование содержит целый ряд деталей, которых не придумать и которые говорят о правдивости его рассказа в целом. Мог ли он не заметить отсутствия Ревоката на арене? Или заметить отсутствие и, на всякий случай, присоединить его к Сатурнину? Едва ли. Скорее отдельный Ревокат появился позже при составлении всего комплекса включенных в «Passio» текстов, когда живых свидетелей не осталось. В «Актах» Перпетуи

и Фелицитаты, составленных не ранее V в., подлинные события уже перекрывает агиографический канон, в них появляется допрос всех узников, включая и Ревоката.

Мы отказываемся в 19, 3 от чтения большинства рукописей и современных критических изданий. Основания для этого как текстологические, так и содержательные. Как было сказано выше, Ревокат как имя собственное не встречается ни в классических латинских литературных источниках (в пределах базы РНІ 5), ни в христианских мартириях прежде нашего «Passio».

Мы предполагаем, что Ревокат — это прозвище Сатурнина, возникшее в ситуации повторных вызовов на арену.

Помимо обсуждаемого места, Ревокат упомянут всего дважды:

1. ‘Были схвачены молодые катехумены: Ревокат и Фелицитата, с ним бывшая в рабстве, Сатурнин и Секундул ...’ (2, 1). Здесь Ревокат — отдельное лицо, что и задало у читателей и у ученых восприятие двух других его упоминаний на тысячелетия. Чтобы создать из «сораба» Фелицитаты отдельную фигуру, высказывали предположение, что Ревокат был сожителем Фелицитаты и отцом ее ребенка (см., напр., [Bradley 2004: 171–172, Heffernan 2012: 19])²⁰. Но со стороны Ревоката не видно заботы ни о беременной и рожаящей перед казнью Фелицитате, ни об остающемся сиротой ребенке.

2. Второй раз Ревокат появляется уже на арене: *Revocatus et Saturninus et Satorus* стали грозить толпе зрителей (18, 7). Однако в трех рукописях, а это треть их общего числа, и что важнее — это независимая группа, между Ревокатом и Сатурнином нет союза *et*²¹: *Revocatus Saturninus et Satorus*, т. е. два человека Ревокат Сатурнин и Сатур вместе грозили зрителям и вместе посылали жестами знаки

---

²⁰ О муже Перпетуи и отце ее ребенка также не говорится ни слова, что вызывает недоумение, и ученые выдвигают самые разные предположения, см. [Shaw 1993: 24–25; Amat 1996: 31; Osiek 2002: 197–200]. У нас есть на этот счет некие гипотезы, но для вопроса о числе мучеников отсутствие мужа Перпетуи роли не играет.

²¹ Bib. Nat. 17626, X в., BL Cott on Nero E. I., XI в. и Salisbury Cathedral 221Olim Fell.4, XI в.; см. критический аппарат Хеффернана [Heffernan 2012: 120].

Хиларию²². Если это чтение исходное, то *et* должно было появиться в рукописной традиции, когда Ревокат воспринимался как отдельное лицо. Именно так он воспринимался в более поздних греческих «Актах» (не ранее V в.) и в краткой латинской богослужебной версии. Ревокат — полноценный персонаж, он действует, его, как и всех, допрашивают, но вопреки домыслам современных ученых (и мультипликаторов, делающих пару из Фелицитаты и Ревоката), Фелицитата на вопрос, есть ли у нее муж, отвечает: «Да, есть, коего ныне презираю!» (*Habeo quem nunc contemno! Acta 1, 4–5*). Здесь она уже не ‘сорабыня’, а сестра Ревоката, Сатур и Сатурнин — братья (*Saturus et Saturninus, duo fratres, Reuocatus et Felicitas soror eius*, см. [Kitzler 2015: 101])²³.

Когда шла речь об авторах «Passio», мы уже задавались вопросом, кому принадлежат слова, вводящие героев «Passio». Естественно считать их автором то же лицо, которому принадлежит «Рассказ» о событиях. Казалось бы «Рассказ», начинается в главе 14 словами: ‘Таковы необыкновенные видения сих блаженнейших мучеников Сатура и Перпетуи, ими самими записанные’. Но это скорее завершение, а не начало, кроме того, заметим, что Перпетуя записала не только «Видения».

Значительно позже, в 16, 1, как бы заново со вступления начинается рассказ о событиях: ‘Итак, поскольку Дух Святой дозволил и тем самым изъявил Свою волю, чтобы записали, что и как происходило на играх, то хотя мы и недостойны прибавить что-либо к описанию столь великой славы, мы исполняем то, что как бы предписала, и даже завещала нам святейшая Перпетуя, добавляя еще одно свидетельство ее твердости и величия души’.

²² Можно возразить, что прозвище обычно следует за именем, а здесь оно имени предшествует. Однако исключения возможны, особенно пока прозвище еще «не приросло» к имени.

²³ Как предположила А. И. Шмайна-Великанова, версия родства возникает, когда обращение христиан друг к другу как к братьям и сестрам перестает быть само собой разумеющимся и воспринимается как указание именно на кровное родство.

Таким образом, получается, что слова о необыкновенных видениях не относятся к основному повествованию Рассказчика, которое начинается только в гл. 16, но завершают рассказ о видениях.

А что же помещается между заключительными словами о необыкновенных видениях и началом рассказа очевидца? В 14, 2–3 без всякого перехода сообщается о смерти в тюрьме Секундула и милости к нему Господа, а в главе 15 о происходившем в тюрьме с Фелицитатой и о том, в чем состояла милость Господа по отношению к ней.

И по стилю, и по мысли крохотная глава 14, 2–3 и вся глава 15 отвечают тексту Рассказчика. Казалось бы, им место в главе 19, где говорится о милости, проявленной к Сатуру и Сатурнину, — о том, что им был дан избранный ими конец. А стих о видениях (14, 1) предшествует истории Секундула по какому-то недоразумению. Он мог бы заканчивать главу 13 — «Видение» Сатура — и все «Записки» Перпетуи, в которых «Видения» Перпетуи представляют за целое как самая важная часть. Можно предположить также, что перед нами шов от другой композиции, нежели та, которая до нас дошла. А именно: из «Записок» Перпетуи были взяты «Видения», все четыре или только первое и четвертое, и объединены с «Видением» Сатура. Тогда 14, 1 завершает воображаемый сборник самых насущных для карфагенских христиан текстов — новых пророческих видений. Это, конечно, только гипотеза, однако нам не встречалось никакой иной попытки объяснить место и содержание 14 главы, состоящей всего из трех стихов, один из которых не имеет к двум другим никакого отношения.

Рассказ о родах Фелицитаты (глава 15) естественно встраивается прямо после 19, 1. Два стиха о Секундуле встроить в эту главу труднее, так как первый стих главы — «Просите и получите», а Секундул ничего не просил. Тематически и рассказ о Секундуле встраивается в сюжет о милости, проявленной Богом к мученикам, а на нынешнем своем месте рассказ о нем никак не привязан ни к предыдущему, ни к последующему. Это результат каких-то редакторских перемещений и каких-то потерь.

Надо признать, что в литературе о нашем «Passio» заметно стремление не умножать сущности, признавая существование лишь

необходимого минимума авторов: Перпетуи, Сатура и еще одного — безымянного. Ему и приписывают «Пролог» и «Эпилог», «Рассказ» о событиях, продолжающий «Записки» Перпетуи, а также все вставки и связки. Для нас очевидно, что стиль «Пролога» — «Эпилога» и «Рассказа» резко отличаются. Приписать внутренние вступления, концовки и связки богослову «Пролога» и «Эпилога» было бы «бестактно», так как это не отвечает его учительной роли. Рассказчику приписать их, конечно, можно, хотя ничто этого не требует, но 14, 1 — концовка, противоречащая плану Рассказчика, — мешает это сделать.

Таким образом, мы предполагаем еще, по меньшей мере, одного Редактора или Составителя, время жизни которого неизвестно, а роль состояла в расположении и связывании частей воедино. Например, предварить «Видение» Сатура словами: ‘Но и благословенный Сатур обнародовал вот такое свое видение, им самим записанное’ (11, 1); завершить «Видение» кодой, оказавшейся вступлением к оторванному от своего контекста главам 14 и 15, и сделать еще несколько мелких вторжений в текст. Возможно, это привело к изъятию истории Секундула и Фелицитаты (14, 2–3 и 15, 1–7) из основного повествования Рассказчика.

Когда сомученика Перпетуи Сатурнина стали звать Ревокатом, чтобы отличать его от многочисленных соименников²⁴, к словам *Saturninus et Felicitas, conserva eius* добавили в начале текста: *Revocatus Saturninus et Felicitas conserva* ‘Ревокат Сатурнин и Фелицитата, рабыня одного с ним хозяина’. Достаточно добавить *et* между *Revocatus Saturninus*, как это сделано было в сцене выхода на арену, — и появится еще один персонаж этой драмы.

Если мы посмотрим теперь на списки карфагенских мучеников, мы увидим, что Ревокат и Сатурнин / Саторнил упоминаются всегда рядом. Так, в *Incipit* латинской рукописи Einsiedeln 250, где

²⁴ Имя *Сатурнин* было чрезвычайно популярно в Карфагене и окрестностях (одних епископов в карфагенском синодальном собрании оказывается четверо, см. *Cypriani Epistulae*, 54 *ad init.*). Распространенность имени в Карфагене может быть связана с тем, что главное финикийское божество Карфагена в римский период было отождествлено с Сатурном.

упомянуты не только Перпетуя и Фелицитата, мы видим ‘Ревоката Сатурнина’: *Passio Sanctorum Revocati Saturnini Perpetuae et Felicitatis in civitate tuburbitana minore*. И в «аннотации» греческой версии фигурирует ‘Саторнил Ревокат’ с уже закрепленным постпозитивным местом прозвища, и в надписи из византийской базилики V в. читаем: *SATV(R)N(INVS) REBOCATVS*.

Товарищ по рабству Фелицитаты не выдуман. Он существовал, его звали Сатурнин, а прозвали его Ревокатом, так как для исполнения его *votum martyrii* нужно было, чтобы он был неоднократно *revocatus* на арену. Таков непосредственный смысл прозвища, данного Сатурнину за его подвиг. О спортивных и воинских его коннотациях см. ниже наш *Postscriptum*.

Между тем у Хеффернана также возникла мысль о христианском символическом значении прозвищ Ревоката и Фелицитаты. Имя Фелицитата, что значит ‘Счастье’, героиня, с его точки зрения, получила из-за того, что счастлива была родить до дня игр и претерпеть страсти с христианами, а не преступниками. Однако когномен *Felicitas* не индивидуален и не то, что не уникален, но это один из самых частых (458 засвидетельствованных случаев) женских когноменов, возникших в период между 100 г. до н. э. и 400 г. н. э. [Nuorluoto 2021: 251]. О Ревокате Хеффернан полагает, что такой когномен дан ему потому, что как христианин он отозван с торной дороги греха и призван на дорогу веры [Heffernan 2012: 23]. Нечего и говорить, что когномен *Perpetua* часто представляется как нельзя более уместная характеристика необыкновенной личности молодой женщины: она постоянна, тверда, непреклонна. Но как бы ни подходил ей этот когномен, нельзя сбрасывать со счетов существование еще по меньшей мере трех десятков Перпетуй, в том числе нескольких в Карфагене, о душевных качествах которых ничего неизвестно²⁵.

---

²⁵ По данным [Kajanto 1965: 98 = Nuorluoto 2021: 46] это имя встречается в эпиграфике 29 раз, по электронной базе *EDCS = Epigraphik-Datenbank Clauss/Slaby*, <http://www.manfredclauss.de> 32 раза. И. Каянто (там же), не обнаруживают умножения носителей когноменов Фелицитата или Перпетуя после прославления

Хотя толкование когноменов, которое бы не учитывало антропонимической практики соответствующего места и времени, слишком произвольно и спекулятивно, тем не менее общие соображения Хеффернана о возможном звучании именно Ревоката близко нашему: «Таким образом, эти имена [Ревокат и Фелицитата. — *Н. Б.*] тоже функционируют как риторические сигналы, предполагающие, что данная христианская община использует их для противопоставления своей идентичности традиционной римской». Об этом, применительно к нашей трактовке значения когномена, скорее агномена, ‘Ревокат’, см. наш *Postscriptum*.

* * *

На этом можно было бы остановиться, избрав в 19, 3 чтение не большинства рукописей, но двух лучших — Амброзианской и Монтекассинской, без *ipse et* и с такими глагольными формами, которые отвечают порядку представления: вепрь — медведь — леопард.

Однако есть дополнительная возможность «спасти» и *ipse et*, и единственное число сказуемого.

Как нам представляется, мы имеем дело с разошедшимися рукописными традициями, каждая из которых с тем или иным успехом боролась с непонятым *ipse et*. Монтекассинская рукопись и Амброзиана избавились от *ipse et*, сохраняя единственное число сказуемого и, тем самым, общую религиозную идею избранной «по обету» кончины. В остальных рукописях «спасали» саму идею мученических *Акт*ов, которым надлежало поведать о кончине всех узников. Поэтому словосочетание *ipse et revocatus* интерпретировали как относящееся к двум людям — Сатурнину (*ipse*, ‘он сам’) и Ревокату, число сказуемого поменяли на множественное, а плюсквамперфект не казался чем-то важным, потому что ни травли зверьми, ни порядка

этих мучениц. В свете подобных данных считать эти когномены особыми христианскими прозвищами затруднительно.

этой травли уже никто себе не представлял. Так эти тексты разошлись. Но появление *ipse et* перед *Revocatus* может иметь смысл на том этапе жизни письменной традиции, когда прозвище Сатурнина было подано так, как это обычно делали греки, «на греческий манер», что в двуязычном сообществе христиан первых веков неудивительно.

Греки систематически соединяли имя и прозвище артиклем и союзом «и», например: Ἰγνάτιος, ὁ καὶ Θεοφόρος ‘Игнатий, называемый также Богоносцем’ (таково начало всех Посланий антиохийского епископа). Или: Ἰωσήφος ὁ καὶ Καϊάφας (J. A. J. 18, 35, 2), что можно передать как ‘Иосиф, он же и Каиафа’, или ‘Иосиф, прозванный Каиафой’, или ‘тот Иосиф, который Каиафа’, поскольку прозвища позволяли отличать соименников. Такой способ передать дополнительное имя не применялся для стандартного кортежа *преномен — номен — когномен*, но заимствовался иногда и латинскими авторами, с заменой артикля (а исходно местоимения) на *qui*. Так, Киприан — карфагенский (!) епископ — характеризует себя самого, как *Cyprianus qui et Thascius* ‘Киприан, именуемый также Тасций’ (*Epist.* 66).

Предположим, при латинской передаче αὐτός (т. е. Σατορνίνος) ὁ καὶ Ρεοικάτος не существующий в латинском артикль, естественно, опускается. Получается «*ipse (= Saturninus) et Revocatus*», два человека вместо одного.

Какие-то греческие документы могли существовать до создания нашего латинского текста: официальные документы допросов, другие свидетельства очевидцев, письма о происшедших событиях. Мог даже существовать другой греческий рассказ о событиях, а не тот, что мы имеем ныне в уникальной рукописи греческого «Мартирия».

Тогда, на основе Амброзианской и Монтекассинской рукописей, но учитывая и греческий способ вводить прозвища, мы сохраним *ipse et* и прочитаем спорное место (19, 3) так:

Itaque in commissione spectaculi
ipse et Revocatus leopardum ex-
pertus etiam super pulpitem ab urso
erat vexatus.

‘И вот, по порядку представления,
именно на него, [прозванного] Рево-
катом, бросился леопард, а прежде он
был на помосте истерзан еще и мед-
ведем’.

Итак, молодых катехуменов было четверо: Перпетуя, Сатурнин, Фелицитата и Секундул (члены ее *familia* в широком смысле). Они были схвачены, трое дожили до дня звероборства, Сатур пришел к ним и отправился с ними на казнь. А прозвище Сатурнина — Ревокат — зажило своей собственной жизнью, он стал почитаемым святым, преимущественно в африканских странах, где живут сегодня почти все, кто в честь африканского святого носит это имя. Я не изучала вопрос о том, кто причислил Ревоката к черным людям Африки. Возможно, это были миссионеры, которые использовали в проповеди образ раннего мученика и раба-африканца для, так сказать, «натурализации» христианства среди местного населения. В том, что в настоящее время большинство Ревокатов — это чернокожие африканцы, что большинство из них живет в Танзании, можно убедиться в интернете, глядя на тех, кто носит сегодня это имя.

P. S.

Хотя в классических литературных текстах имя или прозвище Ревокат не встречается, эпиграфические источники показывают, что такое причастие могло использоваться терминологически как своего рода звание. Это показывает эпиграфика имперского периода. Здесь мы не можем входить в обсуждение всех эпиграфических Ревокатов с надежными или проблематичными чтениями, датированных или не датированных надписей. Укажем лишь на три надписи, на которые обратил мое внимание участник нашего семинара В. В. Степанов. В списке побед Скиртуса — возницы квадриги из команды белых, неоднократно побеждавший на состязаниях, начиная с 13 г. н. э., перечисляется, сколько раз он пришел первым, сколько раз он был *revocatus*, сколько раз пришел вторым и сколько раз третьим [ILS 5283 = CIL 6, 2: 10051]. Тем самым, позиция *revocatus* чем-то уступает первому месту, но все-таки оказывается выше второго. Синонимичным оказывается термин *remissus* — ‘победивший после вторичного забега’. Обстоятельства второго забега, которого могли требовать зрители,

размахивая платками, до конца не ясны. Но это все-таки лучше второго места (см. [Harris 1972: 204; Matz 2019: 151]).

Еще интересней надпись, в которой *revocatus*, примыкающее к имени как почетное звание, означает ветерана: после окончания службы в знак признания заслуг он призывается императором к себе, на сверхсрочную почетную службу. [ILS 2034 = CIL VI.1, 2725 (CIL VI.4.3, 37189) и CIL VI.1, 207 (CIL VI.4.2, 30715)]. Весьма вероятно, что некоторые другие Ревокаты на надгробных надписях III–IV вв. — это именно почетные звания, а не личные когномены.

Примечательны сферы, в которой такое звание появилось: ристание и военная служба! Это те сферы, где в языческом мире доблесть и удача приносят славу. Уже в Новом Завете жизненный путь христианина уподобляется «поприщу» состязаний, а венки мученика — это переосмысленный венок победителя в беге, на скачках и в битве. Таким образом, прозвище не только хранило память о подвиге Сатурнина и о его желании, исполненном Богом, но сама позорная казнь, публичное унижение и пытка парадоксальным образом обретали победное и подвижническое звучание.

Список рукописей

Латинские рукописи

- Monte Cassino 204, XI в. (Casinensis 204 MM)
- Bib. Nat. 17626, X в. (Parisiensis 17626)
- BL Cott on Nero E. I, XI–XII в. (Cottonianus Nero E¹)
- Salisbury Cathedral 221Olim Fell.4, XI–XII в. (Oxoniensis Fell 4)
- BL Cott on Otho D. VIII, XII в. ex. (Cottonianus Otho D VIII)
- Canterbury E. 42, XII в. (Cantuarius E 42)
- Ambrosiana C. 210, XI–XII в. (Ambrosianus C 210 Inf)
- St. Gallen 577, IX–X в. (Sangallensis 577)
- Einsiedeln 250, XII в. (Einsidlensis 250)

Греческая рукопись

- Hierosylomitanus 1, X–XI в.

Литература

- Amat 1996 — J. Amat. *Passion de Perpétue et de Félicité, suivi des Actes*. (Sources chrétiennes, 417). Paris: Editions du Cerf, 1996.
- Bastiaensen 1987 — A. R. Bastiaensen. *Atti e passioni dei martiri, testo critico e commento a cura di A. A. R. Bastiaensen, A. Hilhorst, G. A. A. Kortekaas, A. P. Orban, M. M. Van Assendelft, G. Chiarini, G. Lanata, S. Ronchey*. (Scrittori greci e latini). Milano: Mondadori, 1987.
- Bowersock 1995 — G. W. Bowersock. *Martyrdom and Rome*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
- Bradley 2004 — K. Bradley. Sacrificing the Family: Christian Martyrs and their Kin. *Ancient Narrative*. 2004. Vol. 3. P. 150–181.
- Bremmer 2002 — J. N. Bremmer. Perpetua and Her Diary: Authenticity, Family and Visions. W. Ameling (ed.) *Märtyre und Märtyrakten*. Stuttgart: Steiner, 2002. P. 77–120.
- Bremmer, Formisano 2012 — J. N. Bremmer, M. Formisano (eds.). *Perpetua's Passions: Multidisciplinary Approaches to the Passio Perpetuae et Felicitatis*. Oxford: Oxford University Press, 2012.
- Delattre 1907 — A.-L. Delattre. Lettre du R. P. Delattre à M. Héron Villefosse sur l'inscription des Martyrs de Cartage, Sainte Perpétue et leurs compagnons. *Comptes-rendus des sciences de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*. 1907. Sér. 58. P. 193–195.
- Duval 1982 — Y. Duval. *Loca sanctorum Africae: Le culte des martyrs en Afrique du IV au VII siècle*. T. I: *Recueil des inscriptions martyrologiques d'Afrique*. Rome: École française du Rome, Palais Farnèse, 1982.
- Formisano 2008 (2013) — M. Formisano. *La passione di Perpetua e Felicità: testo latino a fronte*, prefazione di Eva Cantarella. (BUR: Classici greci e latini). Milano: Biblioteca universale Rizzoli, 2008 (2013).
- Franchi de' Cavalieri 1896 — P. Franchi de' Cavalieri. *La Passio SS. Perpetuae et Felicitatis*. Roma: Spithöver, 1896.
- Halm 1879 — K. Halm (ed.). *Victor Vitensis. Historia persecutionis Africanae provinciae sub Geiserico et Hunirico regibus Wandalorum*. Berlin: Weidmann, 1879.
- Harris, Gifford 1890 — J. R. Harris, S. K. Gifford (eds.) *The Acts of the Martyrdom of Perpetua and Felicitas*. London: Clay, 1890.
- Harris 1972 — H. A. Harris. *Sport in Greece and Rome*. London: Thames and Hudson, 1972.
- Heffernan 2012 — Th. J. Heffernan. *The Passion of Perpetua and Felicity*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2012.

- Kajanto 1965 — I. Kajanto. *The Latin Cognomina*. (Commentationes Humanarum Litterarum, 36, 2). Helsinki: Keskuskirjapaino, 1965.
- Kajava 1994 — M. Kajava *Roman Female Praenomina. Studies of Nomenclature of Roman Women*. Roma: Insitutum Romanum Finlandiae, 1994.
- Kitzler 2015 — P. Kitzler. *From Passio Perpetuae to Acta Perpetuae: Recontextualizing a Martyr Story in the Literature of the Early Church*. (Arbeiten zur Kirchengeschichte, 127). Berlin; Boston: De Gruyter, 2015.
- Lane Fox 1987 — R. Lane Fox. *Pagans and Christians*. New York: Knopf, 1987.
- Lazzati 1956 — G. Lazzati. Note critiche al testo della Passio SS, Perpetuae et Felicitatis. *Aevum*. 1956. Vol. 30. P. 30–35.
- LGPN 1987 — P. M. Frazer, E. Matthews (eds.) *A Lexicon of Greek Personal Names*. Vol. 1. Oxford: Clarendon press, 1987.
- LGPN 2000 — P. M. Frazer, E. Matthews (eds.) *A Lexicon of Greek Personal Names*. Vol. 3b. Oxford: Clarendon press, 2000.
- Matz 2019 — D. Matz. *Ancient Roman Sports. A–Z: Athletes, Venues, Events and Terms*. Jefferson, NC: McFarland & Company; Incorporated Publishers, 2019.
- Musurillo 1972 — H. Musurillo. *The Acts of the Christian Martyrs*. Vol. 1. (Oxford early Christian texts). Oxford: Clarendon Press, 1972.
- Nuorluoto 2021 — T. Nuorluoto. *Roman Female Cognomina. Studies in the Nomenclature of Roman Women*. Uppsala: Department of Linguistics and Philology, Uppsala University, 2021.
- Osiek 2002 — C. Osiek. Perpetua's Husband. *Journal of Early Christian Studies*. 2002. Vol. 10. P. 287–290.
- Robert 1989 — L. Robert. Une Vision de Perpétue martyre à Carthage en 203. L. Robert. *Opera minora selecta*. Amsterdam: Hakkert, 1989. P. 791–839.
- Robinson 1891 — J. A. Robinson. *The Passion of S. Perpetua*. (Texts and studies, contributions to biblical and patristic literature 1, 2). Cambridge: Cambridge University Press, 1891.
- Shaw 1993 — B. D. Shaw. The Passion of Perpetua. *Past & Present*. 1993. Vol. 139. P. 3–45.
- Tabbernee 1997 — W. Tabbernee. *Montanist Inscriptions and Testimonia: Epigraphic Sources Illustrating the History of Montanism*. (North American Patristic(s) Society Patristic Monograph Series 16). Macon, Ga.: Mercer University Press, 1997.
- Tabbernee 2017 — W. Tabbernee. Montanism and the Cult of the Martyrs in the Roman North Africa: Reassessing the Literary and Epigraphic Evidence. E. Minchin, H. Jackson (eds.). *Text and the Material World: Essays in Honour of Graeme Clarke*. (Studies in Mediterranean Archaeology and Literature 185). Uppsala: Astrom Editions, 2017. P. 299–313.